

Евгений Валерьевич Ничипурук

Больно.Ru. Разорванное небо

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=285102
Больно.Ru; Разорванное небо: АСТ; СПб.: Астрель-СПб.,; М., СПб.;
ISBN 978-5-17-061610-7, 978-5-9725-1601-8, 978-5-226-01503-8*

Аннотация

«Больно» – резкая, жесткая, эмоциональная и остроугольная история любви, написанная в интригующей литературной форме. Эту повесть прочитали уже более 200 000 человек, и всех их мучает один вопрос: «Это правда или вымысел?»

«Разорванное небо» – история одного сумасшествия. Яркие отвязные вечеринки, экстремальный спорт, кавказская война, психопатия и эзотерика...

Содержание

Больно. ru	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Евгений Ничипурук

Больно. ru; Разорванное небо

Эта книга о любви и жестокости... Красивая и бесстрашная, интригующая и шокирующая. Это очередная попытка изменить мир. После... становится больно.

Лера Массква

Быть читателем – не больно. Быть автором – это диагноз. Мне кажется, интересно соединять книгу с тем, кто ее написал. Так можно гурманить. Приблизиться максимально. Появляются особые сопереживательные, сострадательные оттенки. Этот автор – молодой амбициозный мужчина, порой беспринципный стратег и бизнесмен, представляете, но ко всему этому жутко ранимый и трогательный мальчишка, идеалист и романтик. Я думаю, или он совсем не спит, или же вся его жизнь – dream. Он должен успевать реализовывать все свои грани. Весь светлый день он – рацию, вечером – он принимает гостей клуба, ночью – у него красавица жена, а под утро, на рассвете, он сублимирует неистраченные эмоции в творчество. Он – настоящий герой нынешнего времени, и я действительно так думаю. Он не подавляет себя, это – работа для ленивых. Он – яростный воплощение своих мечтаний, идей, фантазий. Мы познакомились в сети пять лет назад. Он собирался в Москву из Волгограда. Из сотен писем Женино стало событием. В каждой фразе было аргументированное стремление прогнуть мир, и энергия, чтобы это сделать. С тех пор поглядываю за ним. Прогибает. И эта книга – только начало. Он слишком прозорлив и работоспособен, чтобы положиться только на природу и недолгую инерцию юности, и чрезмерно талантлив, чтобы быть незаметным.

Елена Купер

Больно. ru

*Город сжигает огни,
можно заснуть – не проснуться.
Вмиг растоптать
всех тех, кто на тебя молится.*

Слова на листке

Мы так увлекались красотой ран, что забывали о боли. Как замороженные, смотрели на раскрывающиеся, словно бутоны роз, рваные красные края. Слезы текли по щекам, а мы все рвали и рвали наши тела и души, вынимали друг у друга сердца и клали их на золотые подносы, чтобы красное на золотом помогло вспомнить закат в пустыне, в Долине фараонов. Ты помнишь Долину фараонов? Я всегда мечтал залезть на самую верхушку пирамиды Хеопса и, накурившись убойной марокканской дури, смотреть на бесконечный закат над бескрайней пустыней... Я бы умер, наверное, от осознания всей этой красоты... Красное на золотом... Ты кусала мои губы до боли... до ран, из которых вырывалась на свободу пенная жидкость. Я проглатывал, наверное, по стакану крови, прежде чем мне становилось дурно. Перед глазами все плыло... лишь ты... А толпа кричала: «Давай, давай!» Они не знали, что

это изнасилование, этот бой, который казался им страшным сном, на самом деле доставляет нам дикое удовольствие...

Потом мы лежали голые на матах в центре ринга... У нас не было даже сил подняться и уйти... Мы лежали несколько часов, прижимаясь друг к другу. Наша кровь смешивалась... Кто победил – наплевать. Мы знали, что нашли друг друга, нашли нечто настоящее и правдивое...

На полученные деньги ты покупала себе настолько вызывающие наряды, что прохожие оборачивались, а я готов был драться с каждым из них за голодные взгляды в твою сторону. Какие это были взгляды! Когда наши раны заживали, твои шаги становились музыкой, голос казался мне песней. Мы не боялись обличить мир в уродстве, дать ему пощечину своим внешним видом, яркостью и непредсказуемостью.

Потягивая «пятку» и пуская струйки дыма в потолок, я наблюдал за тем, как ты при머яешь шмотки. С каждым новым платьем ты надеваешь на себя и новую маску. Ты меняешься, фантазируя о том, куда могла бы в нем пойти и какую реакцию вызвало бы твое появление в нем... Мне было легко угадывать твои мысли, когда ты стояла перед зеркалом, задумчиво разглядывая свое отражение. Мир в такие минуты казался театром одного актера для одного зрителя. Я смотрел все эти мини-пьески с переодеванием и будто вместе с дымом поднимался к потолку. Спускаясь чуть ниже, обнимал тебя за плечи, кружился по комнате. С нетерпением ждал конца спектакля для того, чтобы зайти за кулисы...

И вот я уже лежу на огромной кровати в одних только джинсах, и ты для меня показываешь этот бесконечный стриптиз. Оказывается, летать – это просто. Нужно только оттолкнуться от краев постели и через мгновение оказаться где-то рядом с тобой. «Спектакль окончен», – я шептал тебе на ушко и тянул обратно в кровать, поворачивал к себе лицом и целовал в губы. Сначала ты сопротивлялась, говорила, что сейчас примеришь еще пару «маечек-кофточек» и тогда придешь, но во мне было достаточно сил для того, чтобы сказать тебе «нет». И все твои новые вещички без жалости и уважения к их внушительной родословной разлетались по полу...

Я встретил тебя весной. Цвела черешня. Запах ее маленьких цветочков, окружающих мой дом со всех сторон, сводил с ума. Проходя мимо, я плакал... от аллергии, в прямом смысле слова чихал на всю эту красоту. Я был несчастен и жалок. Красные воспаленные глаза и опухший, постоянно сопливый нос. Нет ничего ужаснее аллергии! Четыре таблетки, прописанных врачом против этой напасти, превращали меня в засыпающего на ходу «обдолбыша». Лучше не становилось – только хуже и хуже. Я мечтал, чтобы вся черешня сгорела к чертовой матери! К двадцати пяти годам я стал страшным аллергиком и понял, что, видимо, умру. Захлебнусь во сне соплями или засну и не проснусь от передозировки этих бесконечных лекарств. А еще был вариант отправиться туда, где черешня не цветет. Пришлось выбрать последний вариант и поехать в Питер. Честно говоря, этим городом я бредил давно. Он виделся мне в снах, притягивал своей музейной аурой и многотысячными рэями. Он сочетал несовместимые, казалось бы, энергетику старинного «картинного» города и моднейшую молодежную тусовку. Именно Питер, а не Москва держал «шишку» в бесконечном споре двух столиц за право называться клубным центром. Все эти «форты» и «Восточные удары», с их фантастическим разгулом быстрых наркотиков и не менее быстрого секса заставили меня с каким-то особенным волнением произнести фразу: «Говнилково – Санкт-Петербург, в один конец» и протянуть в окошечко вокзальной кассы мятую крупную купюру.

Когда доктор предложил поехать пожить в северном климате, мне не пришлось выбирать маршрут – все было решено давно. Я засовывал сумки на верхнюю полку купе, чувствуя небывалое перевозбуждение. Всю ночь под стук колес не мог сомкнуть глаз. В голове кру-

жилось такое количество мыслей, что утром не смог вспомнить ни одной. Хотя нет, думал о том, что вот в Питере и встречу ту самую девушку... Ту самую, которую должен встретить в своей жизни каждый мужчина. О которой говорилось в фильме Де Ниро «Бронкская история».

В Питере, на вокзале, я повстречал тебя.

Помнишь, шеф попросил тебя встретить на вокзале важного чела. Ты стояла у бюста Ленина, теребя листок с написанным от руки названием твоей конторы. Как будто уже тогда знала, что все закончится встречей со мной. Может, жизнь специально так устроила – заставила сады цвести в тот год особенно сильно, а тебя послала на вокзал встречать незнакомца. И, конечно, не случайно этот самый незнакомец не приехал, а приехал родной и любимый я...

До сих пор в ушах стоит этот страшный крик: «Давай, давай!» Толпа не могла успокоиться. Она хотела смерти одного из нас. Она не понимала, что мы родились не для смерти, а для жизни. Для жизни вместе. Но мы нарушили ход наших судеб. Мы разрушили все. Разрушили наши души, наши тела и сгорели... Нас больше нет. Мы растворились в крике «Давай! Давай!»...

Первый раз я сделал тебе больно случайно. Я хотел не боли, а удовольствия, но оно всегда идет рядом с болью. За все надо платить. Тогда я еще не знал... но позже разобрался в этих жестоких правилах и совершенствовал технику.

Та девушка не была какой-то особенной. Просто мне вдруг стало интересно – каково это трахнуть ее на столе в этом чертовом баре. Дал тридцать баксов бармену, чтобы он ушел в служебку на полчаса, оставив нас одних в пустом темном помещении, среди бутылок виски и кранов с капающим в подставленные бокалы горьким пивом. Мне было важно схватить ее за здоровые сиськи, стянув трусы, войти в нее и трахать, трахать и кончить... А потом потерять к ней всякий интерес.

Когда кончил, ее не стало. Мне было на все плевать. Если бы с неба упал здоровенный кусок железа и разможжил ей голову, я бы лишь отряхнулся и, закулив (опять я начал курить!), вышел из этого бара... Так все и было. Я трахнул сучку и забыл, как ее зовут. И никогда бы не вспомнил о ней, если бы не ты. Наша ссора ничего не значила! Я бы вернулся, и все было бы нормально... Но тебе зачем-то вздумалось искать меня, и ты заглянула в этот бар. Я стал рассказывать этой сисястой дуре анекдот... Да так громко, что ты услышала мой голос... услышала ее смех. Ты не вошла внутрь, не ушла прочь. Ты стояла у окна и смотрела. Смотрела, как я входил в нее, как она закрывала глаза, хватая меня за задницу длинными пальцами с маникюренными ногтями. Ты хотела вырвать их кусачками и засунуть глубоко, прямо в нее, чтобы она, задыхаясь от боли и слез, стала умолять прекратить все это. Но ты бы не перестала, желая, чтобы она испытала все, что чувствовала ты, пока стояла у этого окна...

Ты проводила меня на Итальянскую улицу, где я снял комнату за триста рублей в сутки. Большую, светлую, чистую комнату с огромной кроватью и плакатом с голой девицей на стене. Я поначалу не смотрел на тебя как на самку. Но когда я увидел эту кровать, когда ты подошла к тумбочке и взяла с нее забытую предыдущим жильцом книжку (Борис Виан, «Пена дней»), когда ты совсем по-кошачьи изогнула спину... Сейчас я с особым трепетом вспоминаю, как красиво ты изогнула спину, как вверх поползла маленькая белая маечка, сдвигая в сторону рисунок, закрывающий от посторонних взоров твои маленькие упругие груди...

Все это я не смогу забыть, но тогда я хотел, чтобы ты поскорее ушла, дав мне возможность завалиться спать. Я был благодарен тебе за помощь, но боялся обмана и не доверял тебе. Чужак в твоём городе, я знал, как любят девочки вроде тебя, носящие маленькие прозрачные маечки, наевывать таких приезжих олухов, разводить их на деньги и исчезать, растворяясь во дворах-колодцах, среди мерцающих витрин и блестящих автомобилей.

Ты оставила листок с номером своего телефона на тумбочке, забрала книгу и ушла, улыбнувшись мне краешками губ. Длинный коридор коммунальной квартиры мог свести с ума кого угодно. Сначала я слышал удаляющиеся шаги. Потом – скрежет замка. Дверь захлопнулась, где-то в подъезде стукнула форточка. Ты ушла, а я остался. Сел на подоконник, пытаюсь увидеть серое петербургское небо, но это оказалось невозможным – из окна моей комнаты виднелись лишь стены домов. Я оказался в клетке, и единственный шанс выбраться из этой холодной западни – подхватить гоняемый сквозняком по полу клочок бумаги с твоим именем и семью заветными цифрами, долго вертеть его в руках и, дождавшись вечера, крутануть тугой диск облезлого красного телефона.

Что еще мог забыть в квартире предыдущий жилец помимо книги? Под тумбочкой одиноко вонял вечный спутник холостяка – грязный носок, а в ящике стола я нашел два листка бумаги, исписанных мелким неразборчивым почерком. Это были стихи. Красивые и грустные. Что-то запомнилось, что-то потом я прочитал тебе и, глядя в твои восхищенные глаза, соврал, что это мои стихи, написанные специально для тебя! Мне было не сложно врать, я бы посвятил тебе стихи, если бы умел их сочинять.

Разорван мир на четыре кусочка.
Тебе и мне. Сыну и дочке.
Рука сжимает маленький ключик.
От сердца дверца... и солнца лучик.

Так просто и так легко. Как те самые чайки, что стартовали в небо по сигналу петропавловской пушки, когда мы прогуливались мимо зеленых дворцов и мечтали, что когда-нибудь у нас будет много денег. Ты купишь себе платье от Гуччи (через две недели ты его купила), а я приобрету «Дукатти». Я шутил, что если смогу купить эту быструю игрушку, то не жалко будет и разбиться. Погибнуть на «Дукатти», как утонуть в шампанском, – лучшая смерть! Ты дала мне пощечину! Ты не хотела слышать все это, смотрела мне в глаза и умоляла никогда не говорить о смерти. Я еще не знал, что твой бывший парень – Лерка – разбился на мотоцикле... Когда ты стояла на Московском вокзале и ждала меня, был ровно год, три месяца и четыре дня с того момента, как сильный ливень, отмывая Питер к предстоящим праздникам, заставил потерять управление маленькую 1200-кубовую «Хонду» и впечатал ее на скорости 180 км/ч в белую стену...

Самые страшные сны приходили к тебе ночью, когда его уже не было рядом. Ты укутывалась в теплое пушистое одеяло и смотрела в окно: луна рисовала картинки на воде, а смех тормозов будил и пугал дневных птиц. Все, что у тебя есть, – это он. Но где он? Его уже нет.

Можно сесть в машину и помчаться по ночному Невскому. Мимо будут мелькать улыбающиеся лица – на Невском даже ночью полно народу – и огни модных мест, а ты – педаль в пол! Чтобы все смешалось, спуталось, чтобы никто не догнал! Чтобы сирены были позади, признаваясь в своей несостоятельности, чтобы если подведут тормоза и лысая резина, то уж наверняка... в мочалку, в дым, как он... Так, чтобы ни одним автогеном не вырезали...

Педадь в пол... А можно выпить снотворного – тогда снов не будет. Придет темнота... Утром будет кружиться голова и даже кофе не даст облегчения. Можно болтать по телефону с сонной подругой. Вытащить ее из кровати и слушать последние новости, от которых тебя уже давно тошнит. Подруга проговорит с тобой примерно минут сорок, а потом скажет: «Все, Ляль, я спать – завтра на работу. Малыш, держись! Целую!» И повесит трубку: «Ту-ту-ту...» Глаза закрываются... «Не спать! Спать нельзя!» На кухне бутылка коньяка. Если выпить коньяк с колой и сыпануть в стакан еще и щепотку кофе, то можно продержаться до утра. Если не спать две ночи, то снов не будет... Это очень важно. Если приснится он, то уже не спасет ничто! Не выбраться из этой липкой пустоты. Так уже было. Врачи напрасно кололи руки иглами и нащупывали пульс. Сердце решило больше не стучать. Ему было плевать, что за окном весна, плевать, что Светка с Димкой женятся... На ВСЕ плевать! Его нет – вот что важно для сердца. Встать на краю. Один шаг, и снова с тобой. Нет снов, нет страха. Вниз, как те самые огоньки модных кафешек. Мимо пролетят освещенные окна, отблески чужого счастья, и мягкое покрывало примет и полюбит... Но ты не решилась... Ты не была уверена, что ТАМ что-то есть, что вновь встретишь его где-то за чертой. Потом я много думал, почему во всей этой истории ты повела себя именно так, а не иначе. Наверное, дело в том, что ты уже прошла школу больших потерь, ты знала, как сильно нужно держать в руках счастье, чтобы оно не ускользнуло из рук, чтобы его никто не украл. Ты была мудрее меня, и глупость, которую ты в итоге совершила, обернулась самой большой мудростью...

Ты стояла в самом центре вокзала с листком бумаги в руках, демонстрируя прибывающим надпись: «Оазис». Понятия не имею, что заставило меня спросить у тебя про комнату. Думал, что, приехав в Питер, сразу же наткнусь на какую-нибудь бабульку с табличкой «Сдаю комнату». Но бабульки не было. В центре зала стояла ты.

Оазис – место, где отдыхают путешествующие по пустыне. Караваны, измученные многонедельными переходами по бесконечным безводным желтым далям, находят в оазисе воду, еду, прохладу. Все то, что нужно для отдыха и продолжения пути, о чем может мечтать человек, почти потерявший себя среди вечной пустоты. Я тоже потерял себя. Я хотел пить, дышать прохладой, видеть небо, жить полной жизнью, любить, ненавидеть, мчаться навстречу... Оазис – это именно то, что я должен был первым делом найти, приехав в Питер...

А еще, «Оазис» – это название твоей конторы. Вы занимались установкой аквариумов, бассейнов и прочей аквафигни. Тебя послали встречать поставщика из Москвы, но за два часа до отправления поезда у него открылось кровотечение. Язва. С ней не шутят. Ему было так плохо, что он даже и не подумал позвонить вам в контору и предупредить о том, что не сможет приехать. Какие, на фиг, продажи, когда через пару часов, вместо поездки в Питер, можно отправиться на свидание с Богом...

Ты посмотрела на меня, потом на часы, потом еще раз на меня. Я не понял, что именно ты хотела разглядеть. Хотела убедиться в моей платежеспособности или понять, не маньяк ли какой стоит перед тобой. Тогда, впрочем, мне даже показалось, что ты просто прикидывала, сколько денег можно вытянуть из такого провинциала. Потом ты все-таки сказала: «Пойдем!» Твоя дальняя родственница сдавала две комнаты на Итальянской улице. Как раз за три дня до нашей встречи ты случайно столкнулась с ней у матери дома. Родственница предложила селить у нее приезжих гостей твоей фирмы. «Дороговато, конечно, но им – москвичам, не привыкать: у них там вообще цены знаешь какие!» – говорила она, пообещав тебе небольшой процент от привлеченных клиентов. И вот я стою перед тобой в джинсах D&G и

майке Diesel и прошу помочь мне с жильем. «Больших денег у таких, как он, обычно нет, но все, что есть, подобные перцы тратят на шмотки, развлечения и тусовки. Комната на Итальянской – то, что ему нужно», – наверняка подумала ты.

А толпа кричала: «Давай! Давай!» Толстый, небритый, потный и волосатый «хач» орал громче всех, стоя у самого края площадки. Я видел его лицо, даже когда не смотрел в его сторону. Он орал: «Выеби эту суку!!!» Его крик был всего лишь одним из множества возгласов, но я слышал его явнее всех. Хача звали Давид. Он организовал этот бой. В его кармане лежат мои деньги – круто свернутый куль из зеленых купюр. Он отдаст их мне сразу после того, как все закончится, ты перестанешь трепыхаться и я смогу несколько раз вставить тебе. Однако торопиться не будем, к тому же я засмотрелся на Давида и прозевал удар в нос твоего маленького, колкого кулачка.

Две недели назад ты просила меня научить тебя драться. Поначалу ты, в лучшем случае, попадала мне в плечо, удары были совсем неуверенными. Но вскоре мне пришлось просить тебя прекратить атаку, потому что от слабых, но очень четких ударов, сделанных твоими маленькими, колкими кулачками, у меня начали неметь руки. Тебе стоило профессионально заняться боксом, но ты была слишком красива для этого безжалостного спорта. Тебе сломали бы нос точно так же, как ты сломала его мне. Я чуть не захлебнулся собственной кровью, прежде всего от неожиданности... Все было по-настоящему: и кровь, и боль... Я припал на одно колено, а ты стояла в центре круга, выставив вперед свои кулачки. На тебе не было блузки, лишь белые трусики, сильно заляпанные моей кровью. Ты дико озиралась по сторонам, а вокруг стояли эти страшные люди: бритоголовые с цепями, в очках с черепаховой оправой, в спортивных костюмах, в майках и джинсах... Разные люди. Мужчины... Все они были готовы в любую минуту сделать то, что пока не удавалось мне, – трахнуть тебя! Навалиться всем телом, вжать в матрас и войти в твою попку. Чтобы ты орала от боли и унижения.

Эта кипящая масса ходила ходуном вокруг нас. Ты понимала, что бежать некуда, и, как загнанный зверек, вертела головой по сторонам... Ты могла дать отпор любому из них. Но только не мне... Я сбил тебя слабым ударом слева... ладонью в шею. Потом схватил тебя за плечо. Ты вонзила в меня когти, но я превозмог боль и скрутил твои руки за спиной. Нас разделяли какие-то сантиметры. Ты попыталась ударить головой по моему кровоточащему носу, но я вовремя увернулся и, используя приданный тобой телу импульс, уложил на маты. Борьба продолжалась еще минуты три... Вскоре я кончил... в тебя.

У Солнца много лучей-детей. Оно, как огромный подсолнух, разбрасывает свои семена по Вселенной. Несколько таких семян я ловлю своей кожей. Мы сидим на огромном камне. Ты положила голову мне на колени. Я перебираю пальцами твои густые светлые волосы, слушая твое нежное мурлыканье. Когда-нибудь лучи прорастут и во мне будет жить маленькое Солнце. Сажу с закрытыми глазами, думаю о бескрайнем, спокойном море, о белоснежном айсберге, плывущем в огромном, холодном океане, – ровеснике самых страшных земных катаклизмов, которому миллионы лет и который видел самого Бога... Волны бьются об его ледяные стены, и под их мощными ударами кусок этой громадины обрушивается в пену, чтобы начать самостоятельное плавание к экватору. Мимо будут проплывать большие китобойные суда. Капитаны нахмурят брови, но уже прошли те времена, когда айсберги пугали даже бывалых моряков. Теперь все решают эхолоты и компьютеры, умело изменяющие курс «китоубийцы» и позволяющие судну спокойно двигаться дальше. А один самый загорелый матрос долго еще будет стоять на корме корабля, смотря на белую гору: там, где находится его дом, такие же снежные вершины обрамляют родное небо...

Стая фрегатов облюбовала неприступную скалу. В их бесконечном странствии на пути к гнездовью это последний шанс почувствовать что-то твердое под когтистыми лапами. Впереди недели пути... Фрегаты приводят себя в порядок, а огромное южное солнце соревнуется с оперением птиц-странников в яркости и красоте.

Пройдет несколько месяцев, и острые края ледяного гиганта начнут терять свою королевскую форму. Ветер и теплый воздух сделают свое дело: белая гора, напоминавшая самую неприступную из вершин Тянь-Шаня, станет похожа на здоровенный праздничный торт, который кто-то приготовил к торжеству и случайно уронил в океан... На двадцатой параллели к айсбергу пришвартуется корабль с японским морским флагом. Матросы зафиксируют множество железных тросов, вобьют в твердый, как алмаз, кристалл острые крепежи и погонят взятый на abordаж айсберг к своей базе. Там его распилят на куски, растопят в естественных условиях и разольют прозрачную чистейшую воду в миллионы маленьких бутылочек. Так айсберг станет водой «Фрейдж», которая будет продаваться по подписке богатым и знаменитым. Они будут пить ее во время завтрака...

«А на что мы будем жить? – спрашивала ты, заставляя меня вернуться к реальности. – Нам нужны деньги. Много денег, потому что мы должны жить как боги, сошедшие с небес на землю. Мы должны одеваться только в самое лучшее. Тебе нужен быстрый мотоцикл, а мне... Мне много чего нужно. Новая фотокамера. Я хочу увидеть весь мир собственными глазами. Хочу фотографировать закат солнца в пустыне и его восход над Японским морем. Еще хочу покупать модные вещички в Токио, в районе Сохо. Хочу, хочу, хочу! Хочу, чтобы ты был рядом. Мы должны жить, как гореть! А то не успеем. А то жизнь кончится».

– У нас будет все, что мы только захотим! Главное – не бояться!

– Нам нечего бояться. Самое страшное с нами уже случилось...

Что с нами случилось? Мы встретили друг друга в мире, где боль лишь одна из многих составляющих жизни. Развороченные головы самоубийц, которым выстрелом снесло поллица, языки повешенных... лица синего цвета... вены, порванные тупыми лезвиями... Мы живем в городах, где каждый второй начинает день с мысли о суициде, а другой – с мысли об убийстве... Но даже если твое утро начинается с чашки кофе и улыбки родного человека, это вовсе не означает, что места боли в твоей жизни нет. Она просто притаилась и ждет момента... Однажды боль придет и разорвет твое сердце на части. Когда ты поймешь, что твоя любимая трахается в соседней комнате с твоим другом, уверенная в том, что ты спишь пьяный, что это, бля, Новый год и все спят, потому что все пьяны. Но ты-то не спишь! Ты лежишь на диване, слушаешь их и думаешь о двух вещах: убийство или самоубийство?! Ты чувствуешь боль.

Что с нами случилось? Мы нашли друг друга, но не захотели себе врать, притворяться, гримасничать и кокетничать. Отдали себя волнам и поплыли... А вокруг нас – весь мир с огнями машин и витрин. Где любовь продается. Где боль продается. Где сытый платит деньги за право почувствовать себя выше голодного. Где на торгу самое дорогое, где все бегут ото всех. Где чувства... настоящие, честные, те, что недоступны пиджакам и бритым головам, прыщавым подросткам и откормившим жирные жопы офисным девицам, заканчивающим день сериалом «Секс в большом городе». Они готовы отдать все ради того, чтобы испытать настоящие чувства! А что может быть сильнее любви и боли. На, бери! Я вонзаю в твою руку перьевую ручку, как Джо Пеши в фильме «Казино» втыкал в горло ручку какому-то мажору. Тебе больно? Тебе не нравится. Никому не понравится. Зато теперь ты знаешь, что такое боль. Теперь пора узнать, что такое любовь.

Свет с трудом проникал в комнату сквозь занавески. Я сидел в кресле и прикладывал к носу мешочек со льдом. Пересчитав купюры, ты посмотрела на меня и улыбнулась. 20

000 долларов – это серьезно. У нас будут каникулы. Нас ждут Милан и Венеция. «Нужно купить солнечные очки и грим, – сказала ты, посмотрев на мое лицо. – Мне они тоже могут пригодиться...» Красная опухлость на твоей щеке начинала синеть. Это была просто игра. Игра, правила которой выдумали мы сами, в которую впустили боль и деньги. Не так уж и плохо играть, когда знаешь, что выиграешь при любом раскладе, потому что ты Бог своей игры.

Первую жертву нашли в Ростове, необычном южном городе, пропитанном жестокостью. Здесь когда-то наводили на народ ужас живодеры-душегубы Муханкин и Чикатило. Что-то в этом городе не так. Нам не надо было ехать в Ростов. Лучше бы мы полетели в Прагу. Но в Праге все сложно, а в Ростове – запросто. Чехи бы с ума сошли от нашего безумия.

Помнишь, тогда в Барселоне одного немца даже вырвало. Он смотрел на нас. У него посинело лицо, зрачки стали большими-пребольшими, и через мгновение изо рта полилось дерьмо. Никто, наверное этого и не заметил, но я всегда подмечал подобные вещи. Я вглядывался в лица зрителей. Параллельная история. Мы здесь, а они у экранов с широко раскрытыми от ужаса глазами. И, честно говоря, крутят совсем не детский фильм... Тот немец явно не знал, на что купил билет. Помнишь немца? Он потом отошел в угол и пытался вытереть блевоту с пиджака куском эластичного бинта. Бинт он подобрал на подоконнике. Это был мой бинт. У меня еще не зажила нога после нашей поездки в Краснодар, и поэтому приходилось носить повязку. Помнишь? Нет, ты ничего не можешь помнить. Ты была в отключке. Твои ноги безжизненно свисали с моих плеч, а руки были связаны за спиной чулками. Грудь качались в такт моим движениям. Ты была бледна. Я подумал, что вот так однажды умрут все... На одной ноге – кроссовок DKNY, а вторая просто в белом носке, потому что другой кроссовок я так и не нашел. Он улетел в толпу, и кто-то его спиздил...

Надо было ехать в Чехию. Чехи еще слабее, они бы все стояли с синими лицами! Это вам не Ростов. Ростовские ребята в спортивных костюмах даже не кричали, у них не горели глаза. Они молча стояли плечо к плечу и смотрели. Красные рожи, потные лбы. Школьный спортзал. Тотализатор. Никто не ставил на тебя, жертву, все ставили на время. Мы убегали из Ростова с большой суммой денег. Я на автобусе, а ты сразу же улетела на самолете. Я надел парик и сбрил бороду. Нам было страшно, что нас убьют. Мы показали им часть фильма и прервали сеанс, выключив проектор. Дали им что-то новое и тут же отняли игрушку. Боялись, что обман раскроется и нас ждет наказание. Нас пугало, что они захотят узнать конец этой истории. И я должен был догадаться, что им очень понравится.

Ее звали Наташа Пономарева. Мы не были с ней знакомы, но убили ее именно мы. В момент убийства ты покупала себе новую сумочку в Милане, в одном из бутиков на Виа Монтенаполеоне, а я смотрел матч «Ювентус» – «Лацио»... Когда Наташино тело нашли в прибрежной парковой зоне, наш самолет набирал высоту. Я прочитал о ней в газете. Сука-журналист смаковал подробности. Если бы эти тридцать шесть строк прочитал отец погибшей двадцатилетней девочки, он бы отправился в психушку. Половину газетной полосы писака смаковал подробности похождения «нового Чикатило», которого он окрестил Игроком. Он описал все раны, предположил, что с жертвой долго игрались, давая возможность сопротивляться, а потом несколько раз изнасиловали в самой извращенной форме и убили, перерезав горло осколком пивной бутылки. Я свернул газету и убрал ее на дно дорожной сумки, подальше от глаз. Скоро там появятся и другие подобные вырезки. Память нельзя сжечь, но ее можно на время спрятать. Ты не читала газет. Ты могла спать спокойно. Тебе не снились кошмары еще целых четыре месяца. Первую жертву звали Наташа Пономарева. Других имен я не запомнил. Все эти статьи про извращенные убийства молодых девушек одна к одной ложились в мою дорожную сумку, как в братскую могилу. Девушек убивали мы.

У любви много лиц. Любовь иногда улыбается, иногда смеется, иногда плачет, а иногда она, как разъяренная дикая кошка, гримасничает, шипит и через мгновение бросается тебе в лицо, чтобы выцарапать глаза. Бойся такой любви.

Вечером я набрал номер телефона, записанный на клочке бумаги, и услышал в трубке твой голос. На улице зарядил обычный питерский дождь, и почему-то хотелось повеситься. Я представил свое тело со сломанной шеей покачивающимся туда-сюда под потолком, взял телефонную трубку и набрал твой номер. Это был ключ, который нужно вставить в замок и повернуть. Прокрутить диск телефона несколько раз в нужном порядке, и твой голос скажет в трубку:

- Приезжай.
- Куда?
- Ко мне...

Люди здесь привыкли к дождю. Вечный дождь. Если захочется заплакать, не заплачешь. Слишком много вокруг воды. Такая жизнь делает петербуржцев очень сильными и невосприимчивыми к катаклизмам. Их не удивишь соплями. Они мечтают о солнце, о деньгах, о белом самолете, летящем к белому песку на далеком пляже. А по ночам они танцуют в свете тысяч маленьких, ярких, солнечных лучей... Улыбаются, целуются, отдаются друг другу, играют в любОГГ, утром оставляют записки и уходят в дождь. Я еду на такси играть в любовь, чтобы утром уйти...

- У меня никого здесь нет, кроме тебя.
- Думаешь, я у тебя есть? Меня тоже нет.
- Но тебя я знаю.
- Ты знаешь только мое имя. Ты ничего не знаешь обо мне.
- Разве это не повод?
- Повод?
- Ну да, повод узнать.

Все так просто. Два человека. Один город... «Оазис» – было написано у тебя на табличке. Мокрые, чуть пухлые губы. О них мечтает любой, заблудившийся в пустыне. Два тела... одно тепло... пополам... чтобы утром уйти, забрать свою часть тепла, а следующим вечером думать о покачивающейся на потолке люстре, телефоне, губах, тепле... и с ненавистью смотреть на огромную кровать. Сорвать со стены, скомкать и бросить в помойное ведро картинку с пышногрудой блондинкой. Телефон уже вовсе не ключ, а замок. Огромный, амбарный телефон, который не сломать. Он не поддастся. Здоровенный, старый, пластмассовый, красный телефон. Он не звонит. Она мне не звонит. Ты не звонишь. А за окном опять дождь. Можно же сойти с ума! Как ты не сходила с ума все эти годы? Сколько раз ты думала о самоубийстве? Сколько раз изучала свои вены, глядя на них с хирургическим интересом? Сколько раз высыпала на ладонь горсть транквилизаторов, которые могут дать не только здоровый сон без снов, но и темноту без дождя? Я заебался думать об этом. Я позвонил тебе сам.

Хрустальная ваза разбилась, и ее не склеить. Я давно хотел узнать, как бьется хрусталь. Помнишь «Смеющийся хрусталь»? У Осипа Мандельштама? Я хотел услышать, как смеется бьющийся хрусталь. Но не бить же ради этого хрустальную вазу! БИТЬ! Но я не слышал ничего.

Ваза неожиданно коснулась моей головы и разлетелась на части. Стало темно.

Газеты продолжали писать про нового Чикатило – Игрока. Он играл с жертвами, как кошка с мышкой. Но финал был предсказуем: тела девушек находили мертвыми и сильно изуродованными. Смерть наступала в результате колотого ранения осколком бутылки. Правда, одна девушка, кажется, умерла от внутреннего кровотечения. Ее бросили на месте преступления, не опасаясь того, что она сможет выжить, добраться до людей и все рассказать. Это тоже была игра... Жертве дали шанс. Она пыталась ползти по этому бесконечному подземному гаражу. Мимо равнодушных машин. Но Игрок знал, что она не доживет до выхода. Может, уже где-то впереди светилась табличка «exit», только значила она уже нечто совсем иное.

Я вырезал все заметки о гибели девушек от рук Игрока и клал на дно своей дорожной сумки... Потом писать про Игрока перестали. В «АиФ» опубликовали интервью с тем самым следователем, что поймал Чикатило и Муханкина. Его спросили про новую «звезду» криминальных сводок. Следователь ответил, что, если перестали находить изувеченные женские тела, это еще не значит, что маньяк не активен. Может, он стал более осторожным и прячет тела жертв... Я вырезал заметки и отправлял их в «братскую могилу» на дно своей большой дорожной сумки. Я научил этому Игрока.

Я дал ему правила игры. Я убиваю. Я хотел сказать тебе об этом еще до поездки в Киев, но боялся, что ты не захочешь быть со мной, если будешь ЗНАТЬ все это.

Мы придумали простые правила: Ты и Я не знаем друг друга. Мы видим друг друга впервые. Я должен тебя трахнуть. Трахнуть! Не делай такие удивленные глаза – все трахают всех. Даже если тебе это не нравится. Так ведь часто бывает. Ты можешь попытаться дать сдачи, а можешь лечь... Можешь сопротивляться. Все по-настоящему. Жизнь – она настоящая... и боль... и любовь... и смерть... А это просто игра.

Мы лежали на огромной кровати в доме на Итальянской и смеялись. Я прижимал к губам разодранную руку, а ты разглядывала красноту на своем плече... Что-то нашло на нас. Мои полные страсти глаза видели в твоих глазах свободу. Что-то внутри тебя требовало оспорить мое желание. Сопротивление. Движение. Нет! Все не так. Ты все делаешь не так! Ты ведь рядом. Ты такая близкая, такая родная... Уходи! ИДИ на хуй!!! Какая-то возня. Это игра... Удар по щеке. Сильно. Сука! Это просто разорванная подушка, просто пришла зима и по комнате кружит снег, а мы, как малые дети, возимся на полу в белом и красном, а с потолка сыплется белый пух.

Игра с двумя сильными игроками может показаться обычной, если вам двадцать пять лет и кажется, что все надоело. Жизнь надоела. Дождь надоел. Хочется, чтобы по-честному. Любовь? Ну, люби! Что смотришь?

Ты подошла к зеркалу и вытерла разбитую губу розовой гигиенической салфеткой.

– Извини, – сказал я. – Что-то нашло...

– Ладно, только как же я завтра на работу пойду. Губа распухнет...

Губа распухла. Мы прикладывали к ней мешочек с колотым льдом, но все было бесполезно. Утром на работу ты не пошла. Позвонила и сказала, что заболела. Больше ты там уже не появлялась.

Шанс есть всегда. Можно поставить на то, что она устоит, но никто не ставит на жертву. Ставят на время. На первый взгляд, это очень необычно – все же смотрят порно на своих компах. Посмотрите последние открытые сайты. Никто не знает тебя лучше, чем твой системный администратор. Что ты смотришь на компе? Мальчики? Девочки? Секс с животными? Тебя правда интересуют все эти сайты? Тебе это нравится? Как бы ты хотел, чтобы все это ожило. Ты бы стоял и смотрел. Ты бы поставил деньги на эту суку? Нет, не поставил. Он

выебет ее. Он трахнет ее, не пройдет и пяти минут. Пять минут – это вечность. Простые правила. Клерки сошли с ума – они хотят быть богами зла.

Мы не знаем друг друга. Я – плохой мальчик. Ты – девочка-пай. Можешь заплакать, но, если некуда бежать, ты дерешься. Тебе некуда бежать...

Я знал, что ты не простишь. Больно... Больно бывает не тогда, когда ударят по голове вазой, а когда насрут в самое сердце! Вот это боль! Дрожать хочется. Бежать и плакать. О стенки биться. Что сделать для того, чтобы отмыть сердце?! Я пришел вовремя. Он лежал на тебе. Он уже был в тебе. Смуглый затылок. Загорелая спина. Прыщ на левой лопатке. Он ритмично двигался, часы тикали. Кровь в ушах. Сердце в груди: «Баб-бам...» Музыка. Напишем музыку? Изменим ритм? Урод! Я не помню, как это было. Я просто вдруг оторвался от земли и полетел на него. Упал с неба в дерьмо. Упал на него и стал крошить его в мясо. Я крошил его в мясо... Меня крошили в мясо. В котлету... Я бил его по лицу, он меня бил по лицу. Я не знаю, что было, но что-то было точно. Ты орала. Голая и потная прыгала на кровати рядом с нами. Я чувствовал твой запах. Даже потом долго чувствовал твой запах, смешанный с чужой вонью. Запах, ставший теперь страшным, ядовитым газом, выжигающим глаза и легкие... Ты не знала что делать. Мужики дерутся – отойди в сторону. Не лезь! Я отмахнулся от тебя локтем, попав тебе прямо в лицо. В ответ получил удар в челюсть. В глазах все забегало... Ударил его в пах. Потом эта ваза. Темно. Ты ударила меня вазой. Ты говоришь, что не ты, но я знаю, что именно ты разбила эту дурацкую вазу о мою башку. Потом я сидел на паркете весь в крови среди битого стекла и перебирал наши фотки. Темно. Пусто. Сердце в говне... Болит, тонет...

Тебя не было три дня. Фрукты на кухонном столе стали кормом для мошек. А я все сидел на паркете и засыпал прямо на разорванных фотографиях. Потом лежал в ванной, опять садился по-турецки на яркие осколки хрусталя и обрывки нашей жизни. Где ты провела эти дни, я так и не узнал. Мы больше никогда не говорили об этом. Ты пришла и принесла какие-то книги и еду. Прошла на кухню и выкинула фрукты в мусорное ведро. Мое сердце полетело вместе с ними. Сгнило так же, как они, и стало кормом для мошек – маленьких летающих свиней.

– Ты думал, я забуду эту суку... Никогда.

Я встал с пола и пошел бриться. Напечатаем новые фотки с пленок, склеим рамки и купим вазу. У меня будет новое сердце. Нужно тщательно удобрить почву, вырастить на ней новый цветок. Будут новые яблоки на корм мошкаре...

Порнокороли, наверное, спят в розовых пижамах, прижимая к груди плюшевых кроликов. Именно так я себе представляю всех этих набриолиненных, смуглых, подкрашенных пятидесятилетних владельцев легальных порностудий. В их мире все должно быть большим, иначе кто-то может не разглядеть. Они снимают фильмы для тупых офисных жоп из Америки и Германии, из тех, кому свисающий живот мешает рассмотреть собственный член.

Если их попросить описать свою голую подругу, то первое, что они скажут, – «ЖОПА». У них плохое зрение, полжизни они проводят перед компьютером, вторую половину – перед телевизором, все время пожирая пиццу с гамбургерами, не беспокоясь о своем кислотно-щелочном балансе и запахе изо рта. Они могут не разглядеть что-то недостаточно большое, они могут не «догнать», если будет какая-то двусмысленность. Зрелище должно быть простым и конкретным. Все смотрят порно. Дома с подружкой, на работе в сети, перед сном в одиночестве.

Мы тоже смотрели порно, покупали легальные кассеты вроде «Ночей Содома» и «Оргазма XXL». Мы лежали на огромной кровати и покатывались со смеху над гидропиритными блондинками с огромными силиконовыми грудями, которые закатывали глаза и стонали в неземном блаженстве, когда здоровенный негр с членом, больше похожим на отбойный молоток, пихал им по очереди во все отверстия. Блондинки тискали сиськи, открывали густо намаженный рот, и негр выстреливал им в лицо полкило спермы. Бедные дядечки-порнокороли. Они тоннами скупали йогурты, вылавливали оттуда кусочки фруктов и стреляли в рот порноактерам из здоровенных ЛОР-шприцов всю эту кисломолочную гадость. По пять дублей. Чтобы все поняли, что это и есть оргазм XXL...

Помнишь, мы решили снять свой собственный домашний порнофильм? Ты сделала чудовищный макияж, я купил йогурт, мы установили камеру и разделись. Ты соорудила точно такое же выражение лица, как у героини «Клеопатры», а у меня не встал... У кого встанет, если все тело сотрясается в спазмах, когда не можешь прекратить смеяться, а ты, сучка, еще стала брызгаться йогуртом! Фильм для взрослых, бя! Я его не выкину, но и никому не покажу. Когда-нибудь я смогу его посмотреть и так же смеяться над двумя голыми двадцатипятилетними придурками...

Мы покупали порно в одном и том же ларьке. Продавца звали Миша. Он улыбался мне и протягивал очередной выпуск «Оргазма». А потом как-то сказал, что, может, хватит покупать всю эту чепуху, потому что настоящее порно не стоит на прилавках. Его не тиражируют миллионами, не грузят на склады, не упаковывают в цветные обертки. Его не снимают пятидесятилетние дядьки из Майами. Его делают в Алтуфьево, в Голицино, в Ростове, ну еще в Амстердаме, Ганновере, в Берлине. Тираж кассет не больше тысячи, стоят по сотне баксов. И Миша может достать. Мне нужно? Нужно, конечно.

Там было все по-настоящему. Красивые, но при этом реальные тела и жесткий, бескомпромиссный секс. Мы посмотрели фильм вместе и под конец так завелись, что удержаться было невозможно. Это был лучший секс в моей жизни. Я был просто зверем... Сложно не быть зверем, когда перед тобой такая сука. Ты даже испугалась. Съежилась, сжалась, впустила меня в себя и сдалась. Сдалась чужой воле, чужой силе, открылась и забыла про другие проявления жизни. Чтобы изнутри все выворачивало, чтобы сильные руки поднимали твоё тело, чтобы что-то твердое и горячее входило и выходило из тебя. И чтобы крик из незащитной души маленькой девочки, которая только вчера перестала верить в сказки про принцев и Деда Мороза, вырывался сам, без команды мозга и напряжения связок.

Мы стали все время покупать эти кассеты. Актеры, явные психи, чертовы энтузиасты, вытворяли друг с другом такое, что нашему больному воображению и не снилось. Хотя нет, вру. У нас в головах тоже рождалась масса идей. Помнишь, мы сняли в Амстердаме проститутку, красивую, чуть полную мулатку. Ты трахала ее розовым резиновым членом, который купила в секс-шопе на Дайвен-стрит, а я дрочил. И кончил тебе в рот. Потом мы трахались между собой, совсем позабыв про эту шлюху. Никогда не забуду, как округлились глаза мулатки, когда ты объяснила, что именно мы сейчас будем с ней делать. Ха. Уходя, она раз сто повторила «русьские-русьские»...

Так или иначе, порно стало частью нашей с тобой жизни. Помнишь, мы сидели на балконе и размышляли, почему нас так все это заводит? Ты сказала, что мы жадные, что нам всего мало. В том числе друг друга и самих себя. Хотелось размножиться, чтобы нас стало много, чувствовать острее и жить ярче. «Мы должны жить, как гореть, а то не успеем, а то жизнь кончится», — звучало в голове. Интересная теория. Я же думал, что мы просто психи. И мы нашли друг друга.

За восемь месяцев, что мы прожили вместе, успели стать настоящими звездами питерской тусовки. Ни одна крутая пати не обходилась без нас. Рецепт счастья мы выучили наизусть: по таблетке «ангела» или «стрит денсера», по одной дорожке, танцы в «Паре», потом чай в «СССР», флеш-бек, танцы в «Планете», шампанское, потом опять нас накрывали флешки. Еще чуток кокса – и домой, с головой в жесточайший трехчасовой секс. Иногда принимали «бутират», иногда амфетамин... После «бутирата» всегда автоматом приходилось блевать, а после «амфика» я не спал по три ночи: сердце упорно хотело выскочить из груди. Оно точно знало, что значит жить на всю катушку. Но мы ведь спешили, мы хотели чувствовать все острее.

И жертвы были оправданны. Зайдите на питерские клубные или тусовочные сайты. Наверняка найдете там наши фотки. Мы сотню раз попадали в объективы камер. Наши лица излучали такое счастье, что нам могли бы позавидовать боги. Люди не должны были быть такими счастливыми. Много веков назад они стали несовершенными, когда пошли на первую свою подлость и обманули Бога. Но потом, по прошествии времени, перехитрили Всевышнего, изобретя экстази и тем самым вновь перешагнув грань добра и зла. Выдумали способ быть счастливыми без всяких на то оснований. Но у нас и в реале все было охуенно! Я ощущал себя быстрой спортивной машиной с форсированным движком, с добавками окиси азота в горючее. Такие тачки живут недолго. Они стоят огромных денег, их покупают для крутых гонок. Мы с тобой гнали так быстро, что было понятно – не догонят!

Мы лежали в постели. Дверь на балкон открыта, и с улицы в комнату врывался холодный воздух. Когда в комнате было морозно, больше ценишь тепло близкого человека. Он дает тебе жизнь, без него замерзнешь насмерть. Ты говорила, что мы заработаем еще чуть-чуть денег и уедем туда, где тепло. Ты мне родишь маленькую девочку. Я стану солидным папой, а ты мамой. Мы будем жить иначе. Жить для нашей дочки. Я закуривал, подходил к окну (мне нравилось абсолютно голым стоять у нашего огромного окна с видом на ночной Петербург), почесывал яйца и мечтал. Подсвеченные ночными огнями большого города облака казались мне далекими островами, а крыши домов – океаном. Едва не окоченев, я прыгал обратно в кровать под одеяло. Ты визжала, когда я прижимался к тебе своим покрытым мурашками телом, холодными как лед ногами, руками, ушами. Но скоро ты согревала меня, и ко мне возвращался спокойный, безмятежный сон. А ты еще долго не спала. Пила на кухне горячий чай и думала о чем-то своем.

К тому времени в дорожной сумке скопилось пятнадцать газетных вырезок. Я даже начертил карту Игрока. Ему уже было мало Ростова. Тела находили в Краснодаре, в Сочи, в Донецке... Потом он как будто исчез, но я знал, что он просто вышел на новый уровень. Ведь это игра. Когда соберешь все бонусы и убьешь всех, автоматически переходишь на новый уровень. Значит, он где-то рядом и играет по-крупному.

В последние наши счастливые выходные мы летали в Москву. Тусили по клубам и сорили деньгами. Прошлись по магазинам в Третьяковском проезде. Блистали в «Шамбале», заехали в «Европу». Ты поставила на «22» и выиграла! Тогда тебя попросил сделать ставку какой-то грузин в дорогом черном костюме от «Бриони». Ты поставила на «12», и он выиграл тоже. Ты была королевой вечера. Я сидел у барной стойки, потягивал «Черного пешехода» и искоса поглядывал на тебя. Ловил восхищенные взгляды мужчин и завистливые женщин и буквально задыхался от гордости – ты была великолепна. Если бы выключили освещение, темнее не стало бы – ты излучала достаточно света для пяти таких казино!

Мы поймали машину и поехали в гостиницу, медленно и сладко целуясь всю дорогу. Покусывали губы. Зубы вонзались в наши языки, но, сделав больно, автоматически переставали. Таксист поглядывал в зеркало заднего вида и улыбался. Я так хотел тебя прямо в тачке... Нужно было дать водителю денег, чтобы он остановился и вышел ненадолго, но я что-то стормозил...

Хотелось выжать из этого мгновения все самое лучшее. Каждую каплю счастья выдавить и положить в сердце. Оно заканчивалось. Оно могло закончиться совсем. Так больно... Когда счастья больше нет.

– У меня есть для тебя кое-что особенное. Дороговато, но такой псих, как ты, должен заценить. – Миша знал, чем можно меня заинтриговать. – Пятьсот долларов абы за что не просят!

– Да... недешево. А что там такое?

– Понимаешь, кассет этих выпускают всего лишь сто штук. Распространители могут продавать их только постоянным, проверенным клиентам. Ты из таких. Ты купил у меня порно на целое состояние. Похоже, что вы с подружкой настоящие чокнутые шизики. Я могу продать тебе кассету, но рассказывать тебе, что там, я не имею права. Скажу лишь, что это настоящий жесткач. Я сам более жесткого порева в жизни не видел. Вам понравится... наверное. Правда, это не для слабонервных, но у вас ведь нервишки-то крепкие... – Миша загадочно улыбнулся.

– Ок. Когда будет кассета?

– Завтра будет. Деньги сегодня.

– И что на ней? – Ты залезла под одеяло со здоровой тарелкой клубнично-фисташкового мороженого.

– Пока не знаю. Но мороженое, наверное, лучше отложить... Мишка сказал, что это очень жестко. – Я возился у телевизора, настраивая домашний кинотеатр. Вчера твоя кошка запуталась в проводах и повредила штекеры. Чертова дура, на фиг ты взяла ее у матери. Она неплохо обжиралась «китикетом» и там.

Нажал кнопку Play. Полосы на экране. Шип. Темнота. Лицо в маске. Татуировка на груди «NO PAIN NO GAME». Креативно люди подошли к процессу. Уже боюсь. Готика. Кожаная маска палача. Садо-мазо снова в моде. Голливудские блокбастеры переполнены этой эстетикой. Все как будто с ума посходили. А что же творится в садо-мазо-клубах? Там битком. Черная блестящая кожа – красиво. «Матрица», «Блейд», «Пароль рыба-меч», «Люди икс». Поп-культура впитала лунные семена. Иди купи плетъ. Это модно. Дома в подвале декоративная камера пыток. «Испанский сапог», «Мельница», «Дыба». Все ненастоящее, все не до смерти. Жена надевает кожаные трусы и вгоняет мужу в жопу гладкий эбонитовый кол. Прекрати-прекрати... Сильным мира сего нравится иногда быть слабыми. Забитым тираном-начальником клеркам, напротив, вершителями судеб. Поп-культура самообмана. Садо-мазо на службе у общественной психиатрии. Это модно.

– Купим кожаные комбезы?

– Нам не надо. Дай кусочек мороженого. Вкусно. Тает на языке холодный сладкий шарик...

Человек в маске ходит туда-сюда. Камера дрожит. Множество лиц, размытых постобработкой пленки. Никто не хочет быть узнаваемым. Игры в шпионов – у каждого тайны. Секреты не сдать, не купить. Облажавшийся разведчик выпивает ампулу с цианидом... Такие игры. С возрастом люди не перестают играть, просто игрушки становятся все дороже и опаснее. Парень в маске здоров. Нет, не огромен, но чувствуется недюжинное здоровье и сила. Он проходит сквозь толпу и под возбужденные крики выволакивает за волосы в центр круга молодую девушку. Мне сразу расхотелось мороженого. No pain no game... Слова застряли в

горле комом. Девчонка была в джинсах и белой рубашке. На воротах кровь. Губа разбита. Она смотрела по сторонам и не понимала, что происходит. Страх, как холод. Ты понимаешь, что нужно что-то делать, но ноги уже не слушаются. В венах застыл лед. Не пошевелить рукой. Не сбежать. Сил нет. Воли нет. Борьба? Нет ничего. Только страх в глазах. Ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.